УДК 130.2

СУБЪЕКТ СОВРЕМЕННОСТИ В АСПЕКТЕ ПОП-КУЛЬТУРЫ

Мальцев Ярослав Владимирович,
Тюменский государственный университет,
соискатель кафедры философии,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com

Аннотация
В статье раскрывается сущность понятия «субъект современности», рассматриваемого через призму популярной культуры, позволяющей обнаружить перманентность качеств субъекта: его контркультурности, либерализма, волюнтаризма, рефлексивности, высвобождения из-под влияний Большого Другого и культуротворческой деятельности, организованной посредством экзистенциального полилога.

Ключевые понятия:
современность,
перманентная современность,
субъект,
интерпассивность,
обыденность,
полилог субъектов.

1.

Термин «субъект» довольно распространен в настоящее время. Он используется в юриспруденции, политологии, социологии, психологии и, конечно, в философии. В каждой области знания дефиниция «субъект» наделяется собственными коннотациями, позволяющими отличать, скажем, субъекта экономики от субъекта права, но всегда остается привязка к этимологической сущности подлежащего: субъект – это то, что находится в основе, в основании, является фундаментом какой-либо конструкции (лингвистической, правовой, экономической и т.д.) и потому оказывается ключевым при анализе социальных явлений. При этом, если при первоначальном становлении представлений о субъекте он рассматривался как активное, творческое начало (и это можно было бы выделить как его вторую, общую для любой точки отсчета, черту), то в настоящее время речь идет о его изначальной пассивности (интерпассивность Р. Пфаллера и С. Жижека), вызванной фундаментально необходимым присутствием Другого, являющегося обязательным условием для символического порядка, в котором человек существует: этот Другой должен нести за индивида ответственность, верить за него, служить ему первичной рамкой интерпретации реальности [2, с. 6-58]. Именно в этой связи с подобной необходимостью Другого Ж. Лакан будет утверждать, что *желание субъекта – это всегда желание Другого.*

Ярким примером подобной позиции субъекта оказываются ситуационные комедии, плакальщицы или буддистские молитвенные барабаны, благодаря которым, чем бы человек ни занимался, о чем бы он ни думал в минуту обращения к ним, объективно он хорошо проводит время, скорбит об утрате или молится [2, там же]. На более глобальном уровне, уровне организации общества, этим Другим может быть, скажем, фигура Вождя, который, *предположительно верит* в социальный порядок, в будущее, в общее дело, позволяя остальным людям не задумываться над проблемностью их социального бытия и сосредоточиться на повседневных хлопотах, своих мыслях, удовольствиях (здесь трудно обойти тезис-выход И. Канта: «Размышляй, но подчиняйся!»). Этому Вождю даже необязательно реально быть, он может лишь предполагаться, являясь некоторым пустым означающим, пустотой лакановского Реального, создающего условия для существования пространства реальности. Именно таким *предположительно верящим субъектом* оказывается Отец в фильме-антиутопии «Эквилибриум» (Курт Уиммер, 2002), где главный герой (агент тайной полиции)

открывает для себя, что лицо человека, которое он видит на всех экранах, которое окружает его повсюду, является всего лишь пустой картинкой, от имени которой страной управляет уже совсем другой человек. Однако наличие этого лица («Зачем Отцу быть реальнее политической марионетки?» – спрашивает политическая марионетка, осуществляющая управление страной) структурирует всю социальную действительность Либрии: и.о. отца и Совету оно дает возможность властвовать, полиции – верить в Закон и важность своей службы, тайной полиции – совершать убийства, оппозиционному подполью – бороться и обретать собственную идентичность.

Интерпассивность, однако, не говорит о «смерти субъекта» – она лишь *смещает фокус с* изначальной *активности*, которая имманентно присущая субъекту, *на пассивность:* для встраивания в символический порядок субъект должен иметь Другого, который его в этот порядок введет и который будет верить в «разумность» этого порядка (вспомним здесь изначально порочное, но существующее в обыденном языке деление: православный ребенок, католический ребенок и проч.). У З. Фрейда этим первичным Другим выступает отец [11, с. 27, 197], но в процессе жизнедеятельности индивида этот Другой может меняться: вспомним, к примеру, что для Уинстона Смита («1984», Дж. Оруэлл) таким «отцом» оказывается О'Брайен (отношения с которым полны инцестуозной энергии), настойчиво добивающийся «вхождения» Смита в область Символического пространства Большого брата, только в рамках которого Уинстона можно будет наказать за мыслепреступление.

2.

Однако даже если интерпассивность не отрицает свободы субъекта (напротив, высвобождает ему пространство для личной свободы), она тем не менее ставит вопрос о том, насколько субъект оказывается зависимым от символического порядка; о том, является ли эволюция взглядов на субъективность зацикленной: от «отсутствия» представлений о субъекте в античности [4] через осмысление субъективности к «смерти субъекта»; или же она векторна: развивается от «отсутствующего» античного субъекта через осмысление субъктивности посредством Бога к картезианскому «открытию» субъекта и далее до анализа бессознательных (психологических, лингвистических, экономических и проч.) факторов. В настоящее время линия раздела в размышлениях о субъекте проходит между теми философами, которые придерживаются (пусть и со всеми возможными оговорками) картезианской позиции и для которых субъект современности выступает, собственно говоря, субъектом возрожденческим: самостоятельно себя учреждающим и создающим из своей жизни шедевр (Ж. Лакан, М. Фуко, Ж.-П. Сартр, С. Жижек), – и теми, кто придерживается противоположных позиций (Р. Барт, Ю. Хабермас, В. Декомб, Л. Альтюссер). В последнем случае отрицается не только активность, но и свобода субъекта, растворяющегося в неких надындивидуальных структурах.

Субъект при подобном рассмотрении оказывается конституируемым множеством сил и подпадает под их влияние в течение жизни: язык, бессознательное, технологии внешней власти (М. Фуко), технологии внутренней власти (Дж. Батлер), необходимость Господина (А. Бадью), неузнавание (Л. Альтюссер), интерсубъективная коммуникация (Ю. Хабермас), идеология (С. Жижек). Все это приводит к потери субъектом самого себя, своих качеств, к его аннигиляции. Субъект превращается в сущность, которой нет, в некое пустое означающее, лишенное собственных основ и не имеющее шансов на освобождение. Он оказывается просто обладающей языком и пребывающей в языке (Ж. Лакан) машиной желаний (Ж. Делез, Ф. Гваттари).

С другой стороны, среди той части философов, которые не согласны со смертью субъекта, в среде которых раздаются призывы «открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке картезианской субъективности противопоставить философский манифест самой картезианской субъективности» [3, с. 24], особенно выделяется концепция Я-субъективности А.В. Павлова, в которой *субъект оказывается главной точкой отсчета феномена современности,* находящей именно в субъекте свою онтологию, имеющую в нем свою привязку [6, 7, 8, 9]. В своих работах А.В. Павлов не просто рассматривает субъекта как рефлексирующее свободное Я, как данную самой себе самость (И. Фихте), а берет его в качестве *основы* современности, организующей всю культурную матрицу человечества, *созидающей культуру в пространстве обыденности* (ее социальную, экономическую, политическую и проч. сферы; исторические, философские и проч. представления). Такая взаимозависимость современности и субъекта, непрерывность Я-субъекта и его обыденности создает условия для перманентности самой современности и «отстегивания»[1] ее от традиционно соотносимого с ней модерна.

[1] В противоположность лакановской «точке пристежки».

В условиях такой разноголосицы требуется ввести необходимую категоризацию социальных аватаров человека: четко разграничить человека как индивида, человека как личность и человека как субъекта, обозначив *субъективность как высшую стадию развития личности* (наподобие стадий С. Кьеркегора), *которой каждый человек обладает как потенцией и может ее реализовать при достаточных и направленных усилиях.*

3.

«Индивид» и «личность» — понятия, часто употребляемые в обыденной речи, где зачастую выступают синонимами. В академическом вокабуляре эти дефиниции принято подразделять: в качестве индивида часто понимается единичный, уникальный, неделимый человек, взятый на своем атомарном по отношению к социуму уровне, в то время как личность считается более «качественным» индивидом: индивидом, достигшим определенного уровня развития [5, Т. 2, с. 104–107, 400–404]. Удачное разграничение индивида и личности приводит А.В. Павлов [10], рассматривая личность как образованное и свободное Я, которое в состоянии понимать оказываемые на него влияния и самостоятельно формировать себя, в чем является противоположностью индивиду: не-Я, части общности Мы, с которой у человека происходит идентификация (преимущественно неосознанная) и от имени которой он получает право на действие и существование.

Такое понимание, как представляется, следовало бы несколько раздробить, осуществив переход от двоичности к сакральной троичности. Это раздробление видится верным в связи с необходимостью усложнения представлений о тех ролях, которые человек играет в обществе, и более тонкого рассмотрения процесса социализации.

В процессе социализации человек проходит несколько ступеней в своем развитии. Прежде всего, он появляется в социальном мире как индивид и в качестве такового оказывается под влиянием массы сил, действующих на него непосредственно, минуя отсутствующие критические фильтры, и конституирующих его. Так, человек сталкивается с языком, в результате чего у него формируется бессознательное; проходит через цепочки идентификаций (стадия зеркала), формирующих его собственное Я (самость, отличающую его от Другого); оказывается под воздействием микровласти (М. Фуко), служащей для него проводником включения в символический порядок социума (власть отца, обычая, школы, нации и проч.); попадает под влияние идеологии (в жижековском понимании фантазматической рамки, объясняющей реальность и позволяющей в ней функционировать). Оказываясь под влиянием всех этих сил, человек формируется как индивид: уникальное человеческое Я, обладающее определенными чертами характера и занимающее некоторое место в социальной матрице (имеющее символический мандат, выражаясь языком Лакана). Таким образом, индивид оказывается первым социальным аватаром биологической природы человека. Человек может оставаться индивидом достаточно длительное время, если не предпримет никаких шагов по развитию критического мышления и будет не столько прислушиваться к себе, реализуя собственное бытие, сколько слушать других, идентифицироваться с массой и предпочитать конформистскую позицию.

Именно в такой мир индивидов, в образуемое ими «общество риска» (У. Бек) погружает зрителя картина «Эксперимент 2: Волна» (Д. Ганзель, 2008), основанная на реальных событиях и рассказывающая о педагогическом опыте проведения школьного курса об автократии, в котором на примере организации классных занятий была продемонстрирована неустойчивость демократии и возможность возврата авторитарных форм правления в европейском, прошедшем через ужасы нацизма обществе. Всего лишь через легкое изменение идеологической рамки (рассуждениях о единстве класса, единой воле, взаимопомощи, об уникальности и отличности от других, о взаимовыручке, поддержке и об общих достижениях) и формы социальной коммуникации учителю удается сформировать из класса небольшую фашизоидную общность. Большинство подростков оказываются рады принять растворение своего Я в Мы, в надындивидуальном субъекте, обладающим (якобы) большей силой, волей, возможностями. Они не видят смысла в сопротивлении, рады передать ответственность за себя Большому Другому возникающего коллектива и учителю Райнеру как «субъекту, предположительно верящему» в идеологию нового движения, в само движение. Их позиция оказывается сродни той, что проявляли образованные (и не очень) немцы во время гитлеризма или студенты в эксперименте Милгрэма 1974 г., где одни должны были играть роль «учителей», а другие «учеников». «Учителя» должны были наказывать «учеников» за неправильные ответы ударами тока, мощность который возрастала на 15 вольт с каждым неправильным ответом «ученика». Результаты эксперимента показали, что 65 % «учителей» доходили до разряда в 450 вольт. При этом они знали, что «ученик» испытывал адскую боль (перед этим они на себе испытали удар

в 45 вольт, поэтому имели представление о боли), однако продолжали выполнять указания руководства. Не так ли поступали солдаты СС, которых, как теперь известно, никто не заставлял насильно участвовать в расправах над евреями? Именно к индивидам относятся рассуждения Х. Арендт о банальности зла.

Только две девушки оказываются в силах противостоять установленному режиму учителя Райнера. Они не только не присоединяются к общей массе, но и занимаются «подпольной» работой, нацеленной на подрыв идеологии и разрушение укрепляющейся автократии. Именно эти девушки представляют собой личностей: людей, обладающих независимостью мышления, критически воспринимающих происходящее вокруг них и стремящихся сохранить и собственную независимость, и независимость других.

Личность, в данном случае, оказывается образованным (в результате ли полученного образования или благодаря богатому жизненному опыту), независимым Я, стоящим на нонконформистских позициях. Личность занимает ту же позицию, что и немецкий рабочий Август Ланмессер, вошедший в историю благодаря фотографии, запечатлевшей его отказ приветствовать Гитлера партийным приветствием на параде в Гамбурге в 1936 году. Личность в состоянии совершать поступки, а не принимать обстоятельства с покорностью: мы можем рассуждать о Гансе Хуберманне из фильма «Воровка книг» (Б. Персивал, 2013) как о личности из-за его явных способностей к анализу действительности и самостоятельности решений, особенно проявляющихся в моменты, когда он дает приют прячущемуся от нацистов еврею Максу, когда заступается за арестованного гестапо соседа и друга.

Разумеется, личность может оказаться и на конформистских позициях, но эти позиции должны быть заняты осознанно, при учете имеющихся альтернатив. Именно такой по-конформистски настроенной личностью оказывается подполковник Фрэнк Слэйд из фильма «Запах женщины» (М. Брест, 1992), говорящий в своей пламенной речи в престижной школе о том, что он всегда знал правильный путь, но никогда не шел по нему. Сюда же можно отнести массу европейских левых интеллектуалов, которые рассуждают о революции, не осуществляя ее сами (как вспоминал М. Хардт, однажды эквадорские товарищи сказали ему и другим левым американским интеллектуалам, симпатизирующим революционному движению Эквадора, оказывающим движению моральную поддержку и приезжающим в лагеря революционеров, что гораздо больше толку было бы от их деятельности в США: «Идите в горы и делайте революцию!» — сказали они американцам [13]) или наслаждаясь всеми благами своего привилегированного положения в верхушке среднего класса развитых стран Запада с тоской говорят о крахе социализма в Восточной Европе, население которой, по их мнению, «променяло социализм на блага потребительской цивилизации». К этой категории относятся и многочисленные высокообразованные эксперты, выпускники университетов, занимающие посты в бюрократическом аппарате, бизнесе, в науке и прочих сферах деятельности (и таким образом реализующие власть университетского дискурса, по Ж. Лакану), обладающие обширной эрудицией и развитым мышлением, но не выполняющие задач интеллектуала по критическому разбору существующего порядка, постановке и изменению задаваемых вопросов, созданию проектов будущего. Личность не выполняет миссии интеллектуалов, потому как эта миссия относится уже к сфере субъекта.

4.

Индивид и личность, таким образом, оказываются плотно встроенными в символический порядок и привязанными к нему. Они либо вовсе не осознают свою погруженность в него (индивид), либо, осознавая, принимают правила игры, не внося в них никакого структурного изменения. Субъект же являет собой нечто, прямо противоположное: это человек, который осуществил и осуществляет в отношении себя то, что было проанализировано М. Фуко как практики заботы о себе [12]. Субъект оказывается не только свободным и образованным, обладающим рефлексивным мышлением Я, но и выходит за сферы воздействия влияющих на него полей силы (микровласть, бессознательное и проч.) и учреждает себя сам, самостоятельно пересматривая собственные основания и конструируя свою самость. Субъект оказывается только проживающим в символическом порядке на уровне физического тела (как человеческое животное у Ж. Лакана), но в ментальном отношении, как *cogito*, субъект находится в регистре Воображаемого: он беспрерывно созидает себя и культуру. Субъект не только не растворяется в бессознательном (психоаналитики), тексте (деконструктивисты), дискурсивной интерсубъективности (хабермасовская коммуникация), классовом делении (постмарксисты), соперничающих ментальных и физиологических сил (когнитивисты), но учится понимать воздействующие на него множества и управлять ими. Субъект не пассивен по отношению к некоему внешнему Большому Другому, но сам для себя является этим Большим Другим: все его действия адресованы преимущественно ему самому, и ответственность он несет перед самим собой. Именно поэтому субъ-

ективность есть качество обретаемое, и обретение его происходит в достаточно позднем возрасте. При этом каждый человек потенциально обладает субъективностью, но не у всех получается ее реализовать.

Именно эту ситуацию удалось показать А. Кешишу в фильме «Жизнь Адель», рассказывающему нам о том, как происходит обретение человеком субъективности, насколько субъект ответственен за себя; о том, в какой мере люди готовы к принятию этой ответственности: главная героиня фильма находится в перманентном кризисе собственной идентичности, в поиске (формировании) себя при полном отсутствии ориентиров (ситуация современности, по З. Бауману). При этом она пытается возложить ответственность за себя на кого-то другого (парня, с которым она спит; девушку, которая ее впервые поцеловала; Эмму), чего у нее не получается. Зритель может сделать вывод, что до тех пор, пока героиня не начнет рефлексировать о самой себе и создавать собственный образ себя, она не будет иметь успеха. Фактически пока она не станет субъектом, не начнет определять саму себя и мыслить о самой себе, она не обретет центра, баланса, говоря восточными терминами — гармонии. Только приняв свою свободу быть кем-то и ответственность за этого потенциального кого-то (здесь человек и для самого себя выступает как Другой, сам человек оказывается никогда не данным самому себе), индивид превращается в субъекта и начинает подлинно существовать, позволяет бытию говорить через себя.

В этой связи интересен другой фильм — «Общество мертвых поэтов» (П. Уир, 1989), где жесткий отец одного из героев (в полном смысле Господин Лакана) навязывает сыну свое видение его будущего (его жизни: образования, работы), не учитывая желаний и стремлений сына. В результате подросток заканчивает жизнь суицидом. Самоубийство оказывается единственным выходом между Символическим (куда его хочет поместить отец) и Воображаемым (реализацией собственного Я). Недостаточная смелость к принятию ответственности за себя, возможной маргинализации собственного статуса в символическом порядке, противоборству (реализации прометеевской модели) с социумом вытеснила самого индивида. Вместе с понятой как потенция субъективностью выбывает и ее носитель.

Если индивид вписан в символическое пространство, вынужден играть по чьим-то правилам, то субъект — этот тот, кто не вписывается в *чье-то* символическое пространство. Он абсолютно самостоятелен и играет по собственным правилам. Таким довольно реальным субъектом в пространстве кинематографа видится Фрэнк Андервуд из сериала «Карточный домик». Фрэнк это человек, занимающий пост партийного организатора в Демократической партии и безудержно рвущийся к власти. Без оглядки на совесть он манипулирует людьми, заставляя их выполнять его желания и служить реализации его планов. Большинство окружающих его людей (если не все они) вынуждены взаимодействовать с Фрэнком на его условиях, попадают к нему в зависимость и рассматривают его скорее как сюзерена (и здесь равны друг с другом и индивиды, и личности), в то время как Фрэнк старательно и умело избегает всякой зависимости от кого бы то ни было, уклоняется от всяких обязательств. Находясь внутри символического пространства Конгресса США, Фрэнк настолько знаком со всеми образующими это пространство правилами, что в состоянии использовать их по своему усмотрению, выходя таким образом за их пределы.

Другим примером явного субъекта, но занимающего иные, не властные, не отмеченные социальной респектабельностью позиции, может послужить доктор Хаус из одноименного сериала: маргинальный врач, прекрасно знающий собственную природу и природу окружающих его людей, способный проследить истоки собственного Я, обладающий собственной волей и реализующий ее, являющийся абсолютно свободным и встраивающимся в социальную матрицу на собственных условиях (или на приемлемых компромиссах), довольно независимый от внешних давлений и способный манипулировать ими. Обоих: и Хауса, и Андервуда — в жизни интересуют только собственные желания (независимость и разгадывание медицинских головоломок, или политические игры и власть), и они не придают особенного значения внешним обстоятельствам (мнениям, требованиям, обычаям, морали и проч.).

Говоря о Хаусе, интересно обратить внимание на другого персонажа, видимо служившего прообразом Хауса, — Бенджамина Пирса, «Ястребиного глаза» из сериала «МЭШ»: обладая многими качествами субъекта (самопознание, критическое мышление), он, тем не менее, оказывается в символической структуре и вынужден подчиняться ей, выполняя ее требования. Несмотря на всю свою анархичность и иронию, Ястребиный глаз не подрывает устоявшиеся порядки и способствует их дальнейшему функционированию. Он полон цинизма, едкой иронии, но все это оказывается, как сказал бы С. Жижек, включенным в идеологию и предусмотрено

ею [1, с. 34–35]. Хаус же просто считает, что правила Символического придуманы не для него, и реализует собственную волю.

Позиция Хауса, позиция субъекта – это позиция, которую занимал бы Диоген в XXI веке. Скорее всего, из принципиально важной собственности у него были бы ноутбук (благо Wi-Fi много где бесплатный) и штиблеты. Он пользовался бы арендованными квартирами, велосипедами. Ему была бы свойственна маргинальность образа жизни, а средства на нее он получал бы от плодов «свободных искусств»: статей и книг философского характера, анализирующих попкультуру, политическую, социальную, экономическую действительность через оптику марксизма, психоанализа, постструктурализма (etc.), благодаря которым попутно влиял на трансформацию культурного пространства. При этом он ценил бы не блага потребительской цивилизации, а полную свободу сказать любому власть предержащему все, что он думает, ибо ни в какую символическую вертикаль он не встроен и не зависит от решений начальства.

В этой связи отличие субъекта от индивида/личности становится ярко выраженным: это не встроенный в чужое символическое поле маргинал, обладающий высокоразвитым критическим мышлением и способный попросить Самого Главного Начальника (допустим, повелителя ойкумены Александра Македонского) убраться из зоны видимости и не загораживать солнце. Если большинство людей предпочитает встраиваться в символический порядок общества и выполнять выданный им мандат, играя по чужим правилам, попадая в зависимость и проживая не собственную, а чужую жизнь, находя при этом замещение и удовлетворение в материальных благах, то для субъекта важным является собственная свобода, ответственность за себя, своеобразная ницшеанская «воля к власти». И *свобода начинается для субъекта с отвержения символического порядка.*

Идеальным примером безусловного и идеального субъекта, субъекта в пределе, может послужить Дамблдор в романах о Гарри Поттере, который (а) наделен полным знанием о мире, в котором ему приходится жить, и о самом себе; (б) разрабатывает план борьбы с Темным лордом, в котором все (и в какой-то степени сам Темный лорд) оказываются всего лишь шахматными фигурами «лучшего директора Хогвартса» (Хагрид); (в) имеет абсолютное признание в качестве субъекта со стороны волшебного сообщества. Многолетние целенаправленные усилия и богатейший и разноплановый жизненный опыт дали Дамблдору возможность «постичь в мысли свое время» (Гегель) и обрести субъективность во всей ее полноте: мысль, активность, самостоятельность, творчество, либерализм. Недаром М. Фуко говорит о достижении субъективности к зрелому возрасту, а Гегель, в своем знаменитом пассаже о сове Минервы, замечает, что она вылетает в сумерки.

5.

Именно в идеализированных образах популярного кинематографа мы можем наблюдать за тем, кем является современный субъект, каким он выглядит со стороны. Отталкиваясь от кинематографа, мы можем анализировать самих себя и окружающих нас людей (из прошлого и настоящего) на субъективность. Кинематограф дает нам возможность видеть субъекта воочию, непосредственно, чувствовать его интуитивно, в то время как без кинематографа нам необходимо познавать субъективность через аналитический инструментарий, что делает путь долгим и доступным меньшему числу людей. Благодаря кинематографу мы можем самостоятельно обретать субъективность более быстрым способом, пробуя ведущие к субъективности модели на уровне первичных идентификаций в детско-юношеском возрасте.

Субъект современности, как его отражает современная поп-культура, в общем, обладает *постоянными* свойствами, прослеживаемыми от античности до наших дней: это маргинальность и девиантность относительно господствующей культуры, понятый как вера в собственные силы либерализм, рассматриваемый как реализация собственной воли (в частности, воли быть) волюнтаризм, свобода тела и независимость мышления, рефлексивность и критичность разума, сосредоточенность на cogito (зачастую в ущерб отношениям с внешним миром (как понимала мышление Х. Арендт), выход за рамки символического порядка и расположение в регистре Воображаемого, где, вступая в экзистенциальный полилог с другими субъектами, субъект создает себя и культуру. Для Я-субъекта современность всегда предстает как бремя обыденности, а обыденность оказывается тем материалом и той средой, из которых Я-субъект и творит современность. Все это вместе: постоянность качеств Я-субъекта и непрерывность его связи с обыденностью – позволяет говорить о перманентной современности, о необходимости отделения субъекта (как сотворяющей современность и культуру, вырвавшейся из-под оков микровласти самости) от индивида и личности, вновь утверждает онтологическую (по отношению к культуре) и активную (а не интерпассивную) его сущность.

1. Жижек, С. [Ћiћek S.] Возвышенный Объект Идеологии [Текст] / С. Жижек. М.: Художественный журнал, 1999. 136 с.
2. Жижек, С. [Ћiћek S.] Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм [Текст] / С. Жижек. СПб.: Алетейя, 2005. 156 с.
3. Жижек, С. [Ћiћek S.] Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии [Текст] / С. Жижек. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 528 с.
4. Лосев, А.Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре [Текст] / А.Ф. Лосев // Студенческий меридиан. 1983. № 9. С. 13–14; № 10. С. 14–16.
5. Новая философская энциклопедия: В 4 т. [Текст] / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: пред. В.С. Степин, заместители пред. А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. М.: Мысль, 2010.
6. Павлов, А.В. Заметки о современности и субъективности. Критерии современности [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2013. № 1 (39). С. 5–14.
7. Павлов, А.В. Заметки о современности и субъективности. Модерн и пластичность [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2012. № 6. С. 5–11.
8. Павлов, А.В. Полифокальная социология современности / [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2013. № 4. С. 5–13.
9. Павлов, А.В. Современность и критика [Текст] / А.В. Павлов // Социум и власть. 2013. № 6. С. 128–135.
10. Павлов, А.В., Современные проблемы науки: учеб. Пособие [Текст] / А.В. Павлов, Е.В. Пономаренко. Тюмень: Изд-во Тюм ГУ, 2007. 386 с.
11. Фрейд, З. [Freud S.] Лекции по введению в психоанализ и Новый цикл [Текст] / З. Фрейд. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. 623 с.
12. Фуко, М. [Foucault M.] Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году [Текст] / М. Фуко. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
13. Taylor, A. Examined Life [Documentary film]. 2008.

References

1. Zhizhek S. [Ћiћek S.] (1999) Vozvyshennyj Ob#ekt Ideologii, Moscow, Hudozhestvennyj zhurnal, 136 p. [in Rus].
2. Zhizhek S. [Ћiћek S.] (2005) Interpassivnost'. Zhelanie: vlechenie. Mul'tikul'turalizm, Sankt-Petersburg, Aletejja, 156 p. [in Rus].
3. Zhizhek S. [Ћiћek S.] (2014) Shhekotlivyj sub#ekt: otsutstvujushhij centr politicheskoj ontologii, Moscow, Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 528 p. [in Rus].
4. Losev A.F. (1983) *Studencheskij meridian*, no. 9, pp. 13–14; no. 10, pp. 14–16 [in Rus].
5. Novaja filosofskaja jenciklopedija: V 4 t. (2010), In-t filosofii RAN, Nac. obshh.-nauchn. fond; Nauchno-red. sovet: pred. V.S. Stepin, zamestiteli pred. A.A. Gusejnov, G.Ju. Semigin, uch. sekr. A.P. Ogurcov, Moscow, Mysl' [in Rus].
6. Pavlov A.V. (2013) *Socium i vlast'*, no. 1 (39), pp. 5–14 [in Rus].
7. Pavlov A.V. (2012) *Socium i vlast'*, no. 6, pp. 5–11 [in Rus].
8. Pavlov A.V. (2013) *Socium i vlast',* no. 4, pp. 5–13 [in Rus].
9. Pavlov A.V. (2013) *Socium i vlast'*, no. 6, pp. 128–135 [in Rus].
10. Pavlov A.V., Ponomarenko E.V. (2007) Sovremennye problemy nauki: ucheb. posobie, Tjumen', Izd-vo TjumGU, 386 p. [in Rus].
11. Frejd Z. [Freud S.] (2006) Lekcii po vvedeniju v psihoanaliz i Novyj cikl, Moscow, OOO «Firma STD», 623 p. [in Rus].
12. Fuko M. [Foucault M.] (2007) Germenevtika sub#ekta: kurs lekcij, prochitannyh v Kollezh de Frans v 1981–1982 uchebnom godu, Sankt-Petersburg, Nauka, 677 p. [in Rus].
13. Taylor A. (2008) Examined Life. [in Eng].

UDC 130.2

SUBJECT OF MODERNITY IN THE ASPECT OF POP-CULTURE

Maltsev Yaroslav Vladimirovich,
Tyumen State University,
Chair of Philosophy, Degree-seeking student,
Tyumen, Russia.
E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com

Annotation
The author defines the notion «subject of modernity» through the spectacle of popular culture which helps to find out permanence of subject qualities: its countercultural sensitivity, liberalism, voluntarism, reflexivity, getting free of influence of Great Other and cultural creative activity organized in terms of an existential polylogue.

Key concepts:
modernity,
permanent modernity,
subject,
inter-inaction,
commonness,
polylogue of subjects.